

Цзян Шоуяню казалось, будто у него испортились мозги. Ведь это он сам предложил свозить Чэн Цзайе в свой старый дом, но теперь, вспоминая собственные слова, он вдруг ощутил острую тревогу. Как с тем кольцом, которое он не хотел забирать у Чэн Цзайе: прошлое казалось бездонной трясинной. Он прекрасно знал, каково это — тонуть в ней, и потому желал лишь одного: сбежать. Но заглушаемый тревогой разум подсказывал ему, что бегство — не выход.

Эти два чувства разрывали его на части, растаскивая мысли по двум разным полюсам. В голове нарастал шум: с одной стороны, тревога была такой сильной, что хотелось рвать на себе волосы, а с другой — словно отринув все мирские страсти, какая-то отстранённая часть его сознания холодно укоряла его за то, что он вообще допускает подобные мысли.

В этой внутренней борьбе ни одна из сторон не могла одержать верх. Не желая вести себя как сумасшедший, то плача, то смеясь, он выбрал единственно безопасный на данный момент вариант: замер на кровати без движения, словно уйдя в иное измерение.

Но вскоре по этому застывшему пространству пошла рябь: Цзян Шоуянь поднял глаза и увидел, как Чэн Цзайе, толкнув дверь, вошёл в комнату. Показалось или улыбка Чэн Цзайе неуловимо дрогнула, когда их взгляды встретились? Цзян Шоуянь не мог сказать наверняка, потому что Чэн Цзайе, смеясь, прильнул к нему, нежно щекоча его лицо влажными кончиками волос.

— Как же холодно, — пожаловался он. — Когда ты мылся, тоже мёрз?

Его волосы были прохладными и влажными. От их прикосновений шум в голове Цзян Шоуяня вдруг начал стихать. Он с удовольствием прищурился, бессознательно потирая костяшки пальцев, и ответил:

— Немного.

— Тогда обнимемся покрепче, — сказал Чэн Цзайе и втиснулся между стеной и Цзян Шоуянем, который бросил на Чэн Цзайе беглый взгляд. Тот сидел, широко расставив длинные ноги, и, прижавшись щекой к нему сзади, крепко сжимал его в объятиях. Тёплое дыхание скользило по шее Цзян Шоуяня, даря чувство надёжной, осязаемой тишины.

Услышав его вопрос:

— Ну что, уже не так холодно? — Цзян Шоуянь тихо рассмеялся. Откинув голову ему на плечо, он похлопал по рукам Чэн Цзайе, сцепленным у него на животе, и ответил:

— Мне было холодно в душе, а не сейчас.

— Это мне холодно, мне, — бормотал Чэн Цзайе, поглаживая его по костяшкам пальцев. Склонив голову, он поцеловал его в ухо и прошептал: — Согрей меня.

Цзян Шоуянь промолчал, бездумно выводя подушечками пальцев круги на его предплечье.

С наступлением ночи температура стремительно упала. Возможно, из-за лютого мороза после восьми вечера улицы опустели, и вся деревня, окутанная тьмой, медленно погрузилась в сон.

Цзян Шоуянь и Чэн Цзайе совсем недавно проснулись, поэтому спать им, разумеется, не хотелось. Цзян Шоуянь, не зная, чем себя занять, безучастно смотрел в одну точку. Чэн Цзайе, ещё немного поворошив его волосы, внезапно спросил:

— Цзян Шоуянь, хочешь мороженных груш?

Цзян Шоуянь не сразу понял:

— А?

Чэн Цзайе скосил глаза на окно с узорчатой железной решёткой. Снаружи стояла кромешная тьма, но снег уже перестал.

— Пойдём на улицу, заморозим, — повернувшись к нему, сказал Чэн Цзайе. — Я видел на столе свежие груши.

Цзян Шоуянь засомневался:

— За один день они вряд ли заморозятся как следует.

— Не хватит одного дня — подержим два, — ответил Чэн Цзайе, потянувшись и подтаскивая тёплые вещи Цзян Шоуяня. — Раньше заморозим — раньше съедим.

Он натянул капюшон пуховика на голову Цзян Шоуяня сзади, а затем, обхватив его своими длинными руками и ногами прямо поверх одежды, повалился с ним на кровать, капризно

канюча:

— Ну пойдё-ё-ём...

Цзян Шоуянь, стиснутый так, что не пошевелиться, с трудом высвободил нижнюю часть лица из перекосившегося капюшона:

— Сначала отпусти.

Чэн Цзайе подался вперёд и поцеловал его. Изначально он хотел лишь пару раз чмокнуть его в губы, но, глядя на спрятанную под капюшоном верхнюю половину лица Цзян Шоуяня, о чём-то задумался и не удержался — поцелуй затянулся.

В результате даже сейчас, когда Цзян Шоуянь, тепло одевшись, уже несколько минут сидел на корточках в снегу, его губы всё ещё горели. Потирая их уголки, он наблюдал, как Чэн Цзайе, стоя на коленях, роет в снегу ямку. То ли воображение подкинуло ему какую-то забавную ассоциацию, то ли просто картина показалась комичной, но он не выдержал и прыснул со смеху.

Чэн Цзайе, отряхивая руки от снега, спросил:

— Почему смеёшься?

Цзян Шоуянь покачал головой:

— Просто так.

Чэн Цзайе склонил голову набок, долго смотрел на Цзян Шоуяня, после чего вынес вердикт:

— Вредина.

Вредина Цзян выхватил грушу у него из рук, пододвинулся поближе и положил в ямку, помогая закапывать. Чэн Цзайе специально выбрал груши поменьше и смочил их, чтобы побыстрее промёрзли.

— Надо, наверное, поставить какую-то метку, — сказал Чэн Цзайе, шаря руками вокруг, — а то завтра утром не найдём.

Нашарив в снегу какую-то ветку, он воткнул её перед только что насыпанным снежным холмиком и обернулся к Цзян Шоуяню. Закопать груши — дело пары минут, поэтому они не стали кутаться в сто одежек, накинули толстые пуховики прямо поверх пижам. Цзян Шоуянь одной рукой придерживал воротник, а другой давил на ветку сверху, плотнее загоняя её в снег. Его взгляд больше не был таким потухшим, как раньше. Хотя сам Цзян Шоуянь считал, что отлично скрывает свои чувства, по его глазам не составляло труда определить, когда ему плохо. В такие моменты они становились настолько пустыми, что, стоило заглянуть в них, невольно хотелось разделить с ним эту тоску.

— Цзян Шоуянь, — внезапно позвал Чэн Цзайе.

Тот поднял на него глаза, на его губах играла едва заметная улыбка:

— М-м?

— Просто захотелось тебя позвать.

Цзян Шоуянь опустил голову. Решив, что одной ветки может быть недостаточно, он отыскал ещё одну, потолще, и воткнул рядом.

— Цзян Шоуянь, — снова окликнул его Чэн Цзайе.

Цзян Шоуянь без капли раздражения поднял взгляд и с улыбкой спросил:

— Что такое?

Он заметил, что ресницы Чэн Цзайе покрылись тонким слоем инея. Он потянулся, чтобы смахнуть его, но на полпути понял, что сейчас его пальцы закованы в неуклюжие перчатки. Тогда Чэн Цзайе наклонил голову и сам стёр снежинки с ресниц, заодно проведя по щеке Цзян Шоуяня.

— Ледяные? — спросил он.

Цзян Шоуянь кивнул:

— Ещё бы.

Чэн Цзайе снова его поцеловал. Ему казалось, что сейчас Цзян Шоуянь похож на кошку в незнакомой обстановке: укрывшись на безопасной территории, она настороженно наблюдает за происходящим вокруг. Чэн Цзайе понимал, что не может вытащить его силой или пытаться выманить хитростью. Всё, что ему оставалось, — терпеливо ждать в сторонке, даря чувство стабильности, покоя и надёжного присутствия рядом. До тех пор, пока он сам не захочет выйти на свет и заговорить. И вот тогда Чэн Цзайе сможет по-настоящему крепко обнять его и сказать, что всё это не важно, абсолютно не важно.

Вокруг стояла снежная тишина. Чэн Цзайе поднял руку, поправил выбившиеся из-под капюшона волосы Цзян Шоуяня и спросил:

— Ну что, пойдём обратно?

Примечание переводчика. Мороженые груши «Дунли» (冻梨 - dòng lí) — традиционное зимнее лакомство на севере Китая. Свежие груши держат на морозе, пока они не почернеют и не промёрзнут насквозь. Перед употреблением им дают оттаять в холодной воде, после чего груши становятся невероятно сладкими, сочными и мягкими.